

Другая музыка

— Когда вы приезжаете в Москву, великое множество людей бежит здороваться с вами.

— У меня здесь много знакомых: земляки, я их встречаю. И тех, кто здесь живет, и тех, кого я совсем не знаю. Просто они посмотрели спектакли и радуются. Кто хочет — обнимает, кто хочет — поздравляет, делится. Я здесь училась пять лет, в театральном училище имени Щепкина, закончила его в 74-м году. И с Андреем мы познакомились здесь, в Москве. И поженились здесь, в 72-м году. В этом году 30 лет как мы живем вместе. Кстати, как раз сегодня у Андрюши день рождения.

— Год назад вы в первый раз привезли «Олонхо» в Москву, на фестиваль «Золотая Маска». Не боялись, что его воспримут здесь как некую диковину?

— Это не страшно. То, что мы должны были делать, мы сделали. Мы давным-давно мечтали об «Олонхо» на сцене. Андрей Саввич уже очень давно работает, но мы никак не могли — все тянули, тянули! И самое главное — надо было готовиться. Мы читали очень много эпоса, мы встречались с учеными, мы старались поговорить с настоящими олонхосутами. Их очень мало осталось совсем. Вот бабушка Дарья — ей где-то восемьдесят лет, я ее еле-еле как-то уговорила, чтобы она приехала ко мне домой. Она сидела у меня в комнате и пела Олонхо. Она говорит, что знает наизусть примерно сорок сказаний. И вот одно Олонхо она специально для меня говорила и пела. А я это сняла на пленку. Так что у меня кое-что есть.

— У вас ведь отец олонхосут?

— Да, мой отец пел. Олонхосуты, я сама не слышала. Олонхо он рассказывал людям по вечерам. Тогда ни телевидения, ни радио не было. И он наверняка был самым интересным человеком, актером. Олонхосут — это значит: и говорит, и говорит, потом играет все роли, поет за всех. Рассказывают, мой отец очень здорово пел песню самого главного черта.

— Можно сказать о вас, что вы тоже — олонхосут?

— Нет, ни в коем случае. Я просто артистка, которая старается передать через себя эпос наших предков. Театр делает целый спектакль, где мы стараемся донести хоть что-то до своего народа. Никто ведь не сидит и не читает Олонхо, потому что они такие длинные. Просто времени нет. И если театр будет Олонхо свое периодически показывать — это будет очень большое дело не только для своего народа, но, я думаю, и для нашей России, и вообще для мира.

— Раньше Олонхо пели три дня и три ночи. Вы не собираетесь так играть свой спектакль?

— Да, мы мечтали! Казалось, что невозможно за три часа один Олонхо показать. Не хочется такие красивые слова резать! Вот монолог мой — одна песня, очень длинная. Не хочется ее такой маленькой делать. Но приходится, а так жалко, такие слова! Однако все-таки трудно так говорить. Потому что мы стали говорить простыми словами, а эти — архаические. И мы думали, когда репетировали: а может, ребята, если раньше один человек сидел три дня и три ночи, все это говорил, может, мы тоже будем играть три дня? Сегодня один спектакль, продолжение на следующий день и еще один. Может быть, потом мы так сделаем — а это просто первый шаг.

— То есть вы еще вернетесь к Олонхо?

— Обязательно. Андрей мечтает сделать театр Олонхо. И каждый год стараться хоть один спектакль Олонхо ставить. Но это очень трудно. А как мы мучались! Видишь, все актеры поют, а ведь никто не пел.

Кажется, «Фестиваль искусств земли Олонхо» прошел уже очень давно — еще в том, 2002-м году. Официальный повод — 370-летие вхождения Якутии в состав Российского государства. Неофициальный — якутских гостей попросту ждали, и ждали очень давно. Приехать им трудно, дорого, их земля — далеко на севере. Поэтому прошедший фестиваль — событие счастливое. Якуты привезли с собой чудесное настроение мира, покоя и театра. Театра красивых историй и неспешного сказительства. Театра наивного потому, что он будто бы просит оставить суету, цинизм и насмешку за порогом. Театра ясного, как светлый день.

Труппа Саха академического театра имени Платона Ойунского снова привезла в Москву спектакль «Олонхо», получивший «Приз критиков» на прошлом фестивале «Золотая Маска». В этот раз играли на сцене МХАТа имени А.П.Чехова, постановка расположилась здесь комфортно, уместилась со всеми грандиозными батальными сценами. От сотворения мира до воцарения мира во всем мире. «Короля Лиры» видели в Москве очень давно. Ефим Степанов, играющий безумного короля, Степанида Борисова в роли богатырки Кыыс Дебиллийэ — актеры, владеющие какой-то особой мудростью, какой-то особой статью. Они запоминаются надолго. Почти год назад Степанида Ильинична Борисова дала интервью «ЭС» в день рождения Андрея Саввича Борисова, мужа Стеши (как ее зовут многие), постановщика обоих спектаклей, художественного руководителя театра, министра культуры республики Саха. Тогда Новый год еще не наступил, а только-только приближался.

Сколько лет мы работаем, чтобы разрабатывать национальный кылысах, горловое пение. Чтобы у каждого актера, который играет, он был. То, что они все поют, — это результат колоссальной работы, надо сказать. И похвала им всем!

— Почему так получилось: вы поете с детства, а они нет?

— Думаю, просто некоторые не подзревают, что они могут петь. А на меня это все возложено было, я всегда хотела петь! У меня столько чувств всегда было, что я всегда хотела делиться: как я переживаю, как иногда мне так тоскливо бывает, так одиноко! Даже у маленького ребенка, знаешь, какая трагедия бывает? Что-то уронила или разбила. В маленьком человеке все это есть и хочется поделиться с кем-то. И вот я все время хотела петь. Я лежала на сене рядом с домом: лежишь себе, никто не мешает, смотришь на небо и — поешь. Или просто в поле среди цветов. Я не жила в деревне, когда маленькая была. Где-то далеко участок, один дом, живешь там с братьями и сестрами. Я смотрю на них и — сама с собой: говорю, пою. Сколько соков я пила от берез! Когда весной тепло после холодной зимы. Слышится, как волк воет или взрослые разговаривают, что сегодня, где-то недалеко, прошел медведь. С кем разговаривать-то? Ты маленькая, взрослые с тобой не разговаривают. И вот сама с собой, с природой я и выросла.

— Вы когда-нибудь сочиняли песни?

— В смысле стихов — раньше я пробовала, когда училась в школе. А потом совсем бросила, так как это не мое дело. Сейчас пишут очень хорошие стихи, я особенно люблю Наталью Харлампьеву. Она здесь выступала, по-моему, у нее была и презентация книги. Мне кажется, будто это я сама писала и поэтому на концертах на ее стихи я всегда импровизирую, делаю песни. Как будто это не музыка, а просто есть стихи, и я хочу через них донести свое чувство. А в стихах уже есть какая-то мелодия. Что меня волнует, тревожит в это время, сегодня, я найду в стихе — и буду петь.

— Вы слушаете, как вода шумит, деревья говорят?

— Конечно! Это совершенно другая музыка. И притом звучание природы совсем разное: вода весной, осенью, летом.

— Ведь спектакль «Олонхо» начинается именно с этих звуков.

— Да, это как появление мира. Космическое. Что появилось вначале: звук, слово или музыка? И когда человек рождается, со вздохом появляется родное слово, якутский язык. А якутский язык очень красивый. Он имеет особую энергию.

— У вас очень особенный край — Новый год приходит к вам раньше других. Вы как-то празднуете его по-особому?

— Я не могу сказать, что по-особому. Как по всему миру, Новый год встречают, так же и мы, Новый кухня у нас другая и мы на шесть часов раньше его встречаем, чем в Москве.

Правда, перед тем, как всем за стол садиться, обязательно якут кормит огонь, — чтобы было все нормально, чтобы никто не болел и этот год был самым хорошим. Чтобы все мечты сбылись и другие души не обиделись. У меня дома печка есть — Андрюша ее топил. Камин — прямо в зале стоит. И Андрюша готовит, а потом кормит огонь всем, что на столе. Обязательно оладьями, чаем, маслом. Кумысом, если есть. Или, как говорится, по-современному — водкой. А потом садимся за стол и празднуем!

Беседовала Дарья КОРОБОВА

• Степанида Борисова в спектакле «Олонхо»
Фото М.ГУТЕРМАНА